

ДИАНА КАН

НАИВНАЯ И МУДРАЯ

* * *

Нам спасение с неба Принесший
И Взирающий скорбно с икон,
Пригвождённый, Распятый, Воскресший,
Неужели и Ты побеждён?

Неужели неостановимо
Вновь на Русь наползает орда?..
Третий рейх против Третьего Рима —
А четвёртым не быть никогда!

Это тьма против русского света.
Это свастика против звезды.
Это вран против сокола... Это
Замечают убийцы следы.

Это выздоровление больного —
Волей Вышнего неистребим,
Восстаёт из неверья былого
Кумачом обезбоженный Рим.

КАН Диана Елисеевна — поэтесса, член Союза писателей России. Автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Подданная русских захолустий”, “Междуречье”, “Покуда говорю я о любви”, “Обречённые на славу” и др. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

ВЬЮЖНАЯ СОНАТА

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слёз,
Бредёт по оренбургской тихой улочке,
Бредёт-бормочет странное под нос.

Никем ещё ни разу не целована
И ни в кого ещё не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходимшая с ума.

В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжную вуалью пряча взгляд,
Она бредёт, наивная и мудрая —
Совсем как я так много лет назад.

Она бредёт навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стёжки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит: “Что хорошего?..”
И снова я ответить не смогу.

Сейчас свернёт с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стёжек снежных вязь...
В таинственное-странное-рассветное
Уйдёт, в сонате вьюжной растворясь.

Стишками, между стёжек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими,
Она не озабочена пока.

Она бредёт, покуда безымянная...
Она не знает, как она слаба!
Она в бреду бормочет что-то странное —
Ещё не рифма, но уже — судьба.

И некому сказать наивной дурочке,
Пока её мечтания тихи,
Пока пустынны утренние улочки,
Что это — гениальные стихи!

* * *

*В следующий раз они попытаются
взять нас изнутри...*

Маршал Г. К. Жуков, 1945 год

И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав,
Они вползут в наш дом, рядясь в друзей.
И станут, опоив заморским ядом,
Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы —
Пусть пляшут по борделям нагишом.
И переоборудуют под “шопы”
И школу, и завод, и космодром...

Мы устоим... Хотя и поневоле
То влево нас, то вправо занесёт.
Мы даже убедить себя позволим —
Мол, рынок нас не выдаст, Бог спасёт!

И будет счастье, словно локоть, близко —
Мы по-американски заживём.
Мы, может, даже выучим английский
(Немецкий-то учить нам было в лом!).

Маркетинг, киллер, дилер, супервайзер,
Промоутер, бэбиситер, бэби-бум...
Мы думали: из грязи — прямо в князи.
А на поверку выйдет — русский бунт,

Сметающий содомские пороки
От гатчинских болот и до Курил,
Бессмысленный, кровавый и жестокий —
Тот, о котором Пушкин говорил.

* * *

Когда заря запылала ало
И волжский окровавила прибой,
Я выплакаться к Волге прибежала
И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
Слезами и словами излила.
Так долго я рыдала, что лишь Волга
Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью,
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстрядью:
“Прими обратно, матушка-река!”

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
Зари вечерней сумрачный пригас...
И — плыл ко мне поднявший алый парус
С проть-берега отчаливший баркас.

* * *

Ю. К.

Уснул и не проснулся.
И — в небеса ушёл.
Ты никогда не гнулся,
Хоть был твой крест тяжёл.

Безрадостно светало...
Любимая жена —
Россия — промолчала,
В себя погружена.

Не выла, причитая,
Соломенной вдовой.
Скорбяще дождевая,
Склонилась над тобой.

И в вечность утекала...
И каплями дождя
Всё в губы целовала
Холодные тебя.